

ОКТАБРЬ 1917 Г. В СУДЬБЕ УМЕРЕННЫХ НЕОНАРОДНИКОВ

Самара. Самарский государственный педагогический университет

Захват власти большевиками в октябре 1917 г. рассматривался в советской историографии как единственный выход из общенационального кризиса и начало постепенного движения к социализму. Наряду с этим события Октября 1917 г. характеризовались как Великая Октябрьская социалистическая революция, которая знаменовала начало новой эпохи – эпохи социалистических революций. Считалось, что Октябрьское вооруженное восстание было совершено под руководством партии большевиков петроградским пролетариатом и поддерживавшей его наиболее сознательной частью петроградского гарнизона. Говорилось о «повсеместной» поддержке революции [1]. В настоящее время не только в зарубежной [2], но и в отечественной [3] историографии закрепляется позиция, согласно которой Октябрьские события рассматриваются не как революция, а как насильственный захват власти большевиками, как переворот. Изучение деятельности и воззрений умеренных неонародников, которые являлись не только участниками, но и одними из первых историографов данных событий, позволяет лучше понять свершившееся в Октябре 1917 г.

События, связанные с захватом власти большевиками в Петрограде, умеренные неонародники (Трудовая народно-социалистическая партия, ТНСЦ, народные социалисты, энесы) рассматривали не как революцию, а как «мятеж», «переворот» против законной власти, который, по их мнению, лишь указывал на «необходимость реорганизации власти» [4]. Энесы резко осудили октябрьский переворот, оценивая его как «генеральное сражение, данное демократии антигосударственными элементами слева». Народные социалисты активно участвовали во всех легальных формах протеста. Они призывали к защите законной революционной власти в лице «Временного правительства», к противодействию большевикам. По свидетельству члена ТНСЦ Д.А. Лутохина, лидеры энесов А.В. Пешехонов и Н.В. Чайковский выступили инициаторами «хождения городской думы к Зимнему дворцу для спасения Временного правительства» [5]. Народные социалисты участвовали в создании Предпарламентом «Всероссийского комитета спасения родины и революции». В этом комитете энесы последовательно отстаивали свою непримиримую позицию по отношению к большевикам [6]. На следующий день после захвата власти большевиками печатный орган ТНСЦ «Народное слово» опубликовал воззвание «Всероссийского комитета спасения Родины и революции», призывавшее к вооруженному сопротивлению и кампании гражданского неповиновения. Воз-

звание было подписано и лидерами ТНСП [7]. 28 октября «Народное слово» опубликовало воззвание с призывом к рабочим и солдатам сложить оружие и сдаться войскам Временного правительства [8].

Особенно большую активность проявили столичные энесы. В дни большевистского мятежа проводились почти ежедневные заседания не только ЦК ТНСП, но и Бюро местных петроградских комитетов. Народные социалисты Петрограда участвовали в Комитетах Спасения Родины и Революции. Петроградские энесы явились инициаторами принятия Городской думой резолюции, осуждающей большевистское восстание [9]. ЦК ТНСП издал ряд листовок и прокламаций с призывами к борьбе против большевиков.

Такие же призывы звучали и со страниц всех газет ТНСП. Главным для народных социалистов становится лозунг «Долой большевиков!» [10].

Первоначально энесы считали, что Октябрьский переворот может иметь лишь «временный успех». 26 октября А.В. Пешехонов и Н.Д. Набоков как руководители Совета республики посетили английского посла Бьюкерена и обещали, что выступление большевиков будет подавлено [11]. Основания для таких заверений были. Комитет спасения Родины и Революции за один день проделал большую организационную работу: установил связи почти со всеми воинскими частями, а также с военными подразделениями, находящимися в Петрограде. Комитет готовил антибольшевистское выступление в Петрограде. Однако члены Комитета единодушно решили подождать еще хоть день, так как каждый час увеличивал силу и организованность Комитета. Кроме того, член ЦК ТНСП В.Б. Станкевич, являвшийся в октябре 1917 г. комиссаром при Ставке Верховного главнокомандующего и находящийся в то время в Петрограде, получил донесение, что отряд А.Ф. Керенского начнет наступление на Петроград лишь через день. Для нанесения согласованного удара по большевикам решили подождать. Однако вскоре стало известно, что большевики готовятся произвести разоружение юнкеров, то есть собираются нанести удар по главным силам Комитета спасения. Чтобы предупредить удар большевиков, Комитет спасения решил начать восстание против большевиков немедленно. Однако, проведенное наспех, восстание не имело успеха. «Неожиданная слабость наших сил и неожиданная энергия, развитая большевиками, казались нам ошеломляющими», вспоминал об октябрьских событиях В.Б. Станкевич [12]. Позднее Станкевич дал определенное объяснение причин поражения антибольшевистского восстания: «Провал восстания, быть может, отчасти мог быть объяснен и техническими моментами. Организация антибольшевистских сил была создана наспех. Не было ни достаточного количества телефонов, ни продуманного и планомерного распределения ролей. Много личных сил, недостатка в которых не чувствовалось, пропадало не использованными» [13]. При этом Станкевич сетовал по поводу того, что эти силы не были использованы в день восстания

большевиков, когда в руках правительства был весь технический аппарат власти и штаба. Тогда бы результат восстания, полагал Станкевич, был бы иной [14]. Однако факты, приводимые в воспоминаниях другого члена ЦК ТНСП, являвшегося в то время одновременно и членом военной организации Комитета спасения, В.И. Игнатъева, показывают, что поражение данного восстания было предрешено. «Юнкерское восстание в Петрограде организовала военная организация Комитета спасения без ведома Пленума Комитета. Военная организация и юнкера поверили в твердость и неуклонность линий поведения Комитета. Девять десятых Комитета было в стороне от выступления, и в нужный момент это движение не поддержало. Казаки тоже не сдержали обещания и не выступили». Тогда, - продолжает Игнатъев, - член ЦК ТНСП и, в то же время, член Комитета спасения Чайковский (вместе с Авксентьевым) поехал к Дутову и умолял его «сдержать слово и двинуть казачьи части на помощь юнкерам: казаки не пошли, юнкера погибли, а прибывшие с фронта делегаты и рабочие массы Петрограда не были вовлечены в это дело, потому что Комитет еще не самоопределился. Часть массы пошла и погибла» [15]. Керенский так и не привел войска с фронта. А Комитет спасения Родины и Революции, воспринявший преемственно власть от Керенского, оказался бессильным создать новое правительство, не сумел взять на себя руководство движением. Постепенно Комитет «стал рассасываться», его деятельность стала «замирать» [16].

Рассматривая петроградские события именно как «мятеж», народные социалисты выражали надежду, что власть большевиков не распространится быстро по России. В связи с этим они полагали необходимым всем «здравомыслящим» людям объединиться вокруг определенного центра и дать организованный отпор «группке захватчиков», как они называли большевиков. 28 октября состоялось совещание ЦК ТНСП, которое приняло решение о необходимости энергичного отпора большевикам. Совещание высказалось за желательность воссоздания в Москве «Временного правительства», вокруг которого и консолидировались бы все антибольшевистские силы. При этом указывалось на незамедлительность противодействия большевикам, пока их власть не распространилась широко [17]. Еще накануне, 27 октября, делегация народных социалистов во главе с С.П. Мельгуновым и В.В. Волк-Карачевским обратилась с предложением о воссоздании Временного правительства в Москве к московскому городскому голове [18]. 29 октября центральный орган ТНСП «Народное слово» призвал демократические силы к защите законной революционной власти, а также к сплочению вокруг истинных представителей демократии – Всероссийского комитета спасения Родины и Революции: «Все к объединению сил демократии, все к самозащите! Долой насильников, для вас не должно быть ни одного их приказа!» [19]. Однако организовать отпор большевикам в Москве тоже не удалось.

1 ноября состоялось заседание ЦК ТНСП. Обсудив факт продолжающегося содержания под стражей буржуазных членов Временного правительства, в то время как министры-социалисты отпущены на свободу, ЦК выразил протест против такого насилия и принял следующую резолюцию: «Все члены Временного правительства обязаны между собою одинаково и солидарною ответственностью перед русской демократией, поставившей у власти в самый ответственный и опасный момент. В виду этого, освобождение одной части министров и дальнейшее содержание под стражей другой может быть рассматриваемо не иначе, как самый грубый произвол, как ничем не прикрытое преследование своих политических противников за их убеждения». При этом ЦК решительно высказался против какого бы то ни было соглашения с большевиками. Заседание отметило, что даже те социалистические партии, для которых такое соглашение приемлемо, не должны входить в какие бы то ни было переговоры с захватчиками власти до тех пор, пока всем членам Временного правительства не будет возвращена свобода [20].

На этом же заседании ЦК ТНСП обсуждался вопрос о возможности конструировать новую власть на основе соглашения всех социалистических партий, включая большевиков. Состоявшийся обмен мнений показал полное единомыслие членов комитета. Все члены комитета осудили большевистский переворот, характеризуя его как «авантюру». Большинство голосов против одного при двух воздержавшихся была принята резолюция, в которой говорилось, что новая власть может быть создана только в преемственной связи с Временным правительством и что всякие соглашения с большевиками на этой почве партия решительно отвергает [21].

Осуждение большевистского переворота было вынесено не только Центральным комитетом ТНСП, но и местными комитетами. Многие местные комитеты, узнав о захвате власти большевиками, провели заседания, на которых осудили большевистский переворот и выразили надежду на скорейшее восстановление законной революционной власти. Анализ резолюций ЦК ТНСП и местных комитетов показывает, что они очень созвучны, несмотря на то, что местные комитеты вырабатывали резолюции самостоятельно, без указаний ЦК партии. Это говорит о том, что энесы были едины в своем осуждении Октябрьского переворота. Так, комитет Вологодской областной группы ТНСП на заседании 27 октября, обсудив события в Петрограде и выражая свой взгляд на работу большевиков в стране, поставил разрушительную деятельность большевиков «на одну доску» с царизмом. ЦК Вологодской группы ТНСП выпустило «Обращение к гражданам г. Вологды», в котором говорилось: «Как царизм умышленно держал душу народа в потемках, так большевизм опустошил и развратил эту душу, сделав из доброго всепрощающего пахаря громилу и зверя... Последние события только ярче и конкретнее подтвердили давно уже высказываемые указания на тождество домогательств большевиков со стремле-

ниями Германского Генерального штаба. Вологодская областная группа Трудовой народно-социалистической партии полагает, что за все преступления, творимые сегодня по лицу земли русской, ответственен не народ, а группы, вдохновляемые большевиками. Все их выступления следует считать откровенной контрреволюцией» [22].

3 ноября состоялось заседание комитета Василеостровской группы ТНСП города Петрограда в составе 41 человека. Обсудив текущий момент, заседание вынесло следующую резолюцию: «Считая, что захватившие власть большевики есть узурпаторы и насильники и что с ними не возможно никакое соглашение, общее собрание членов Трудовой народно-социалистической партии Василеостровского района признает необходимым для всех социалистических партий, разделяющих ту же точку зрения, в интересах Родины и Революции, войти между собою в самое тесное единение для содействия установлению законной власти «от народа» и для противодействия преступным выступлениям против такой власти, откуда бы те не исходили» [23].

4 ноября Петроградский комитет выразил свой протест против приказа военно-революционного комитета об аресте А.Ф. Керенского и, в то же время, глубокое удовлетворение по поводу того, что «главе Временного правительства удалось при трагически сложившихся обстоятельствах уйти от рук насильников и избежать «суда» кучки врагов родины и революции, на время захвативших власть». Вместе с тем, комитет выразил крайнее негодование по поводу клеветнической кампании и травли, ведущейся большевиками против личности А.Ф. Керенского, которого знесы рассматривали как «искреннего и стойкого защитника интересов демократии, имеющего перед родиной и революцией незабываемые исторические заслуги» [24].

Умеренные неонародники выступали за немедленные антибольшевистские действия. Для их организации они пытались воссоздать законную власть в стране. С этой целью было создано подпольное Временное правительство, действовавшее в октябре-ноябре 1917 г. в Петрограде. Возглавлял это правительство народный социалист А.А. Демьянов. Правительство состояло из заместителей арестованных министров. Кроме того, согласно воспоминаниям Демьянова, несколько человек из канцелярии бывшего Государственного Совета приходили на заседания Совета подпольного Временного правительства, чтобы помочь ему в работе и, таким образом, поддержать законную власть в стране в лице Временного правительства [25]. Именно на квартире знеса Демьянова на улице Бассейной проходили первоначально заседания Малого Совета Министров, который умеренные неонародники рассматривали как единственного представителя законной российской власти, хотя и низвергнутой [26]. Народные социалисты приняли активное участие в мероприятиях «Комитета спасения родины и революции» по бойкоту большевиков в правительственных учреждениях. Этот комитет действовал открыто. Однако «у Комитета спасения родины и

революции» не было абсолютно никаких средств на ведение какой бы то ни было борьбы с большевиками, - отмечал позднее А.А. Демьянов. Слабость этого комитета была очевидной и большевики мало обращали на него внимание [27]. Указанные две организации (подпольное Временное правительство и «Комитет спасения родины и революции») первоначально не знали о существовании друг друга. Однако в результате переговоров между двумя энесами А.А. Демьяновым и Л.М. Брамсоном, игравшими значимую роль соответственно в подпольном Временном правительстве и в «Комитете спасения родины и революции», была признана необходимость налаживания взаимоотношений между этими организациями. Демьянов доказывал, что «Комитет» не может действовать на всю Россию, он предназначен только для Петрограда. Нужна же власть всероссийская; таковая имела в лице Временного правительства, которое вовсе не умерло и которое действует. При этом Демьянов скрыл от Брамсона, что в распоряжении Совета Министров находится еще государственный фонд (а это, безусловно, было немаловажно для организации всероссийской власти и антибольшевистской борьбы). Демьянов доказывал Брамсону, что нужно признать подпольное Временное правительство. Брамсон поддержал точку зрения Демьянова и сообщил в «Комитете» о подпольном Временном правительстве. Все члены «Комитета» поддержали позицию Демьянова о значимости этого правительства единогласно. Тогда Демьянов доложил о решении «Комитета» в Совете Министров. В ответ на это члены Совета Министров решили пригласить делегатов Комитета на заседание Совета, и обменяться мнениями по поводу политического момента [28]. «Приблизительно 10-13 ноября» произошло совместное заседание этих организаций на квартире графини Паниной [29]. Демьянов вспоминал позднее, что у него сохранилось впечатление от этого заседания «не в пользу Совета»: «Мне очень не нравилось то, что члены Совета говорили с представителями Комитета как-то свысока, то - есть как люди, больше понимающие в политике, чем их собеседники. А было как раз наоборот. Всякие разногласия, какие возникали между Советом и комитетом, члены комитета старались по возможности сгладить. Они шли на все уступки - идти вместе» [30]. Для дальнейшего отлаживания отношений с комитетом Совет избрал Демьянова и Никитина [31].

Характерными чертами деятельности подпольного Временного правительства, ставившего своей целью подавление выступления большевиков и восстановление прежней власти, были нерешительность, отсутствие реальных действий. Говоря позднее о составе данной организации, Демьянов отмечал, что в ней были люди, «удел которых был критиковать и писать свои критики, а не действовать. Действенных между ними не оказалось» [32]. Вместе с тем, энесы полагали, что складыванию реального единого антибольшевистского фронта мешала и межпартийная борьба в «Комитете спасения». Поэтому насущную задачу момента они видели в «сближении

партий и частей их, не зараженных большевизмом» и стоящих «на почве государственности» [33]. Следующей задачей антибольшевистской борьбы энесы считали создание «коалиции живых сил страны». При этом они отмечали, что характер коалиции может меняться, но направленность ее должна быть неизменной: «весь фронт – против большевиков». На этом этапе энесы считали необходимым основываться и «на элементах, стоящих правее ТНСП, пограничное положение которой обязывает ее стремиться к объединению всех сил, способных вывести страну из переживаемого положения [34]. Данный этап был связан с участием народных социалистов в деятельности «Союза защиты Учредительного собрания» (создан 23 ноября), в который входили партии эсеров и меньшевиков, ТНСП, Исполком совета крестьянских депутатов, ЦИК совета рабочих и солдатских депутатов первого состава, представители центральной городской и районной дум Петрограда, некоторых профсоюзов [35]. Кадетская партия рассматривалась энесами как «непременный член» этой организации. Поэтому, когда в ноябре большевики объявили кадетов врагами народа, народные социалисты выступили с протестом против «гонения на кадетов и умаления прав Учредительного собрания» [36]. «Союз защиты» проводил активную антибольшевистскую кампанию, митинги, лекции, собрания, собеседования; издавал листовки и воззвания; организовал курсы по «общественным вопросам»; созывал рабочие конференции из представителей партии, профсоюзов и других рабочих организаций [37].

Вскоре после захвата власти большевиками в ТНСП оформились две позиции.

Сторонники первой позиции в ТНСП наибольшую опасность видели в большевизме. Эту позицию наиболее последовательно отстаивали Чайковский, Мякотин, Мельгунов. Они считали, что необходимо создать условия для вооруженной борьбы с большевиками, свергнуть их власть и только после этого бороться с Германией [38].

Сторонники второй позиции наибольшую опасность видели в Германии и считали первоочередной задачей наладить оборону страны. Эту позицию выражали люди, хорошо знающие ситуацию на фронте, такие как В.Б. Станкевич. Так, когда началось очередное наступление немцев на фронте, Станкевич на Совецании ЦК 10 февраля поставил вопрос о возможности бороться против немцев вместе с большевиками. Мнения разделились по принципу двух групп: энесов и трудовиков. Энесы не допускали никаких совместных действий с большевиками, а трудовики, за исключением Н.В. Чайковского и В.В. Водовозова, выступали за компромисс. Большинство голосов предложение Станкевича было отвергнуто. На следующий день состоялось совместное заседание ЦК и Петроградского комитета. Поскольку на данном заседании присутствовало трудовиков больше, чем энесов, то при обсуждении того же вопроса прошла резолюция трудовиков. В ответ на это А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин и другие лиде-

ры заявили о своем выходе из ЦК. Выход лидеров означал для ТНСП развал, так как их авторитет был высок не только в партии, но и в обществе. Поэтому было созвано третье совещание ЦК, которое решило вопрос в пользу народных социалистов. Позднее Станкевич вспоминал: «Мой поступок вызвал такое возмущение в партии, что мне пришлось заявить о своем уходе из комитета» [39].

Таким образом, верх одержали сторонники первой позиции. Они считали, что выход из создавшейся политической ситуации невозможен в форме образования классовой власти: «не диктатура одного класса нужна стране, а правительство, способное довести ее до Учредительного собрания, правительство, которое могло бы работать в атмосфере более или менее общего доверия к нему» [40]. Стремясь найти выход из создавшегося положения и организовать борьбу с большевиками, энесы в ноябре 1917 г. обратились к идее создания «однородной демократической власти», выдвинутой эсерами и меньшевиками. Воплощение этой идеи, по мнению народных социалистов, позволило бы, во-первых, выполнить «тяжелую» работу по «доведению страны до Учредительного собрания»; во-вторых, «отмежеваться от большевизма» и, в-третьих, обеспечить «преемственность власти» [41]. При этом, в отличие от меньшевиков и эсеров, которые допускали вероятность заключения соглашения с большевиками, энесы изначально отказывались вести какие-либо переговоры с большевиками [42].

Однако левые эсеры, не желая терять доступ к власти, повели политику создания союза большевиков со всеми «социалистическими» партиями. На Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, пользуясь большинством, левые эсеры провели решение об организации власти из всех социалистических партий, от народных социалистов до большевиков включительно. Большевики считали, что создание единого правительства с энесами и правыми эсерами ослабит позиции большевиков в правительстве. Поэтому они пошли на определенную хитрость: в резолюции о создании «однородного социалистического правительства» они добились включения слов о том, что власть организуется на основе решений II съезда Советов. В результате народные социалисты, правые эсеры и другие партии, отказавшиеся признать решения II съезда Советов, оказались вне правительственной коалиции. В то же время, вхождение левых эсеров в состав правительства ослабило антибольшевистские силы.

Умеренные неонародники последовательно отстаивали свою непримиримую позицию по отношению к большевикам во всех организациях, в том числе и в «Викжеле» (Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожных служащих), являвшегося, как отмечал П.Н. Миллюков, «третьей силой», «несравненно более могущественной и действительно заставившей стороны идти на переговоры» [43]. Викжель выступил посредником в переговорах Исполнительного комитета Викжеля с Центральными комитетами социалистических партий и с «Комитетом спасения родины и

революции». 29 октября в помещении Викжеля состоялось совещание представителей социалистических партий. Однако делегатов от ТНСП на нем не было, так как энесы не приняли выдвинутую Викжелем идею о создании «однородного социалистического министерства» от энесов до большевиков включительно. Они характеризовали такую форму власти как «нечто мертвое, совершенно нежизненное, нереальное, не больше, как *quasi una fantasia*» и отказались вести переговоры с большевиками об организации данной формы государственной власти [44]. Не все члены партии разделяли данную позицию. Так, например, Станкевич в Ставке высказался за переговоры с Викжелем. Когда 31 октября А.Ф. Керенский проводил совещание с представителями партий и комиссарами по поводу предложения «Викжеля» о прекращении гражданской войны и образовании однородного революционного правительства, то Станкевич, в числе большинства присутствующих, высказался за переговоры. По воспоминаниям Савинкова, Станкевич заявлял даже, что «на большевиков он не смотрит как на изменников и что он даже полагал бы возможным назначить прапорщика Крыленко своим помощником... Государственные интересы требуют немедленного соглашения с большевиками и образования на основе этого соглашения нового министерства» [45]. Присутствующий на этом совещании Краснов тоже передавал, что «Станкевич полагал, что стовориться с большевиками все-таки можно» [46]. Однако в ТНСП не знали о данной позиции Станкевича и поэтому никакого партийного инцидента не возникло. В том же случае, когда об отходе от партийной платформы становилось известно членам партии, неминуемо следовало строжайшее наказание. Более того, энесы исключили из партии члена ЦК ТНСП адвоката В.А. Плансона за то, что он пошел против решения партии по вопросу о создании однородного правительства. Являясь членом Исполнительного комитета Викжеля, В.А. Плансон поддержал постановление Викжеля о соглашении между всеми социалистическими партиями, не исключая большевиков (внутри Викжеля). В.А.Плансон был направлен в Царское Село в числе других делегатов от Викжеля для переговоров с А.Ф. Керенским. Когда В.А.Плансон вернулся от Керенского, он на совещании Исполнительного комитета, на котором присутствовали и большевики, дал характеристику общего положения, настроений на фронте и отношения к А.Ф.Керенскому [47]. ЦК ТНСП осудил поведение В.А. Плансона с «моральной» и «политической» точек зрения, обвинил его в нарушении «партийных директив и в том, что он «сыграл для большевиков роль лазутчика» [48]. ЦК ТНСП характеризовал поведение В.А. Плансона как «политическую некорректность» и исключил его из партии. В.А. Плансон подал апелляцию в ЦК ТНСП, но, несмотря на то, что за него ходатайствовали члены Исполкома Викжеля, ЦК признал «излишним заниматься пересмотром своего прежнего решения» [49].

Такая позиция умеренных неонародников породила в советской историографии утверждение, что своим поведением ТНСП, как и другие партии, «сами поставили себя по другую сторону баррикад» [50]. Тем самым ТНСП в числе прочих партий обвинялась в срыве реализации идеи создания однородного социалистического правительства. Конечно, как указывалось выше, энесы сразу не приняли идею о создании однородного социалистического правительства. Однако хотелось бы при этом обратить внимание и на тот факт, что РСДРП (б) тоже изначально сделала все, чтобы эта идея не реализовалась. Так, приняв решение вступить в переговоры с Викжелем о расширении состава правительства и ВЦИК, ЦК РСДРП (б) выдвинул как платформу переговоров обязательное признание решений съезда Советов и его декретов, то есть энесы и правые партии согласно решениям II съезда Советов исключались из числа партий, имеющих шанс войти в правительство.

Народные социалисты пытались противодействовать большевикам различными средствами. Член ЦК ТНСП Л.М. Брамсон, являясь председателем финансового отдела Петроградского Совета, скрыл средства ЦИК от большевиков. 14 декабря 1917 г. в Петрограде состоялся революционный трибунал, который рассмотрел дело Л.М. Брамсона. Он обвинялся не только в попытке скрыть средства ЦИК, но и в том, что опубликовал в газете «Революционный набат» и других изданиях целый ряд статей, «дискредитирующих рабоче-крестьянское правительство». ТНСП развернула вокруг процесса шумную кампанию, стремясь превратить его в суд над большевиками. На суде присутствовали члены ЦК ТНСП. Пешехонов и Шаскольский выступали в качестве свидетелей. Их выступления носили антисоветский характер. Брамсон открыто признал, что стремился к свержению правительства народных комиссаров и отказался сдать средства ЦИК. Ревтрибунал вынес «общественное порицание и презрение» Брамсону. Газета «Революционный Набат» была закрыта, а имущество ее было конфисковано в пользу Советской республики [51].

По мере укрепления власти большевиков и неудач антибольшевистских выступлений, народные социалисты, стремясь понять произошедшее в Октябре 1917 г., и создать действенный противовес большевикам, уже более глубоко анализировали политическую ситуацию и пытались выявить причины победы большевиков.

По мнению умеренных неонародников, новая явленная «диктатура пролетариата» являлась на самом деле диктатурой группы захватчиков власти, прикрывающих свои действия именем рабочих и крестьян. И не так уж важно, искренни или фальшивы официальные заявления большевиков, так как по мере удаления от исходной точки они обречены считаться не с этими заявлениями, а с реальной обстановкой. Советскую власть энесы рассматривали как «реставрацию старого аппарата принудительной власти, замещение Бурбонов Бонапартами». Успех большевиков народные со-

циалисты объясняли прежде всего популистским характером их лозунгов, увлекавших темные массы. Они отмечали, что большевики, прежде всего Ленин и Троцкий, вносили в политическую борьбу элемент личной страсти. Других приходилось уговаривать, убеждать, и власть они брали скорее из чувства долга, чем из страсти властвовать. В этом смысле Ленин был вне конкуренции. Однако можно не сомневаться, пророчески писал А. Петришев, что в ближайшее время толпа выдвинет конкурентов, «не менее Ленина одержимых страстью властвовать» [52]. Позднее, в эмиграции, В.А. Мякотин, анализируя октябрьские события, пытался понять феномен большевиков: «какая идея могла привести их к власти; а главное, помогла им удержать эту власть? Но при всем старании, - писал Мякотин, - я такой идеи не мог открыть... Я видел в лице большевиков власть, утверждавшую себя исключительно насилием и обманом, мертвившую все, к чему она не прикасалась» [53]. Мякотин считал, что в Октябре 1917 г. захватила власть группа «насильников» и смогла она сделать это, лишь воспользовавшись революционным движением социальных низов. Рабоче-крестьянской власти не существовало. Это были всего лишь слова, используемые для завоевания доверия и поддержки народа и для юридического прикрытия (весьма плохого) совершавшихся беззаконий. «Страной управляли ни кем не избранные люди» [54].

Тем не менее, народные социалисты не сводили все к популизму большевиков.

Одной из причин победы большевиков умеренные неонародники считали ошибки Временного правительства, отмечая, что оно медленно создавало органы самоуправления, государственного принуждения, новую армию, проявляло «колебания и внутреннюю несогласованность». Энесы отмечали, что Временное правительство «государственной властью – в истинном смысле этих слов – не было; это был только символ власти, носитель ее идеи, в лучшем случае зародыш» [55]. Народные социалисты критиковали Временное правительство и лично Керенского за неумение справиться с надвигающейся революцией и «вовремя задержать подстрекателей к погрому». При этом они обращали внимание на то, что «Керенский больше опасался «правого» переворота, чем «левого». Энесы упрекали Керенского за то, что он накануне большевистского переворота, вместо того, чтобы арестовать лидеров большевиков, предпочитал бороться с кадетами, закрыв их газету [56].

Однако не все умеренные неонародники разделяли такое мнение. В эмиграции Демьянов в своих неопубликованных черновых набросках к различным воспоминаниям писал: «Можно ли винить Временное правительство, что оно недостаточно оценило в свое время Ленина как личность?.. этого значения никто в свое время не оценил, как не оценили и значение самой революции и ее последствий. А если и оценили бы, то и тогда ничего нельзя было бы сделать, ибо против революционной стихии

все средства были бы бессильны» [57]. При этом Демьянов обращал внимание на то, что Временное правительство как демократическое правительство не могло выслать Ленина за границу и прекратить большевистскую пропаганду. Более того, с привлечением Ленина к уголовной ответственности как немецкого агента отпадала необходимость принимать по отношению к нему меры административного воздействия (однако Ленину удалось избежать ареста). Демьянов также отмечал, что открытая пропаганда большевиков велась среди населения Петербурга, в менее интенсивной форме в Москве и в самой интенсивной форме среди войск, где она и нашла своих последователей, доставивших в конце концов большевистской партии успех. «Но чем обуславливался этот успех? – рассуждал дальше Демьянов – Было бы ошибочно утверждать, что идейной стороной учения большевиков. Сущностью аналога большевистского учения мало кто интересовался, но за ними все-таки шли, потому что они призывали прекратить войну. А этого прекращения и войско, и народ ждал. Лозунг – долой войну создали не Ленин и его последователи, но этим лозунгом, этим криком души народной воспользовался Ленин и большевики в целях достижения ими власти. И без Ленина этот лозунг стал вершителем чаяния народа. Мы не можем гадать, в какую форму вылилось бы в отсутствие Ленина это требование, в какой бы форме оно осуществилось бы на деле, но с достаточной достоверностью можно утверждать, что Временное правительство при его последовательном проведении мысли – войну продолжать и даже до победного конца не могло бы дальше существовать» [58].

Важной причиной победы большевиков, по мнению умеренных неонародников, являлось отсутствие действительной поддержки со стороны тех, кто формально заявил о своей солидарности с правительством [59]. Станкевич сумел выделить, на наш взгляд, весьма важную причину поражения борьбы с большевиками: «борясь с большевиками, все боялись быть смешанными с Правительством» [60]. Станкевич вспоминал, что когда он при формулировке политических целей антибольшевистской акции в Комитете Спасения Родины и Революции поднял вопрос о необходимости заявления, что борьба идет за восстановление правительства, низвергнутого большевиками, то никто его не поддержал. «Все указывали, что, при непопулярности Правительства в стране, лучше о нем совершенно не упоминать» [61].

Причиной успеха большевиков знесы считали также отсутствие в стране «единого революционного фронта», что привело в конечном итоге к борьбе «крайних крыльев» политического лагеря. Поскольку «единая цепь» политических сил была разорвана, то «промежуточные звенья», которые призваны были сдерживать эти «крайние крылья», не сработали [62]. Более того, признавал позднее Станкевич. «члены одной и той же партии не могли столкнуться между собой, потому что такой разброд мнений был повсюду, быть может, в душе каждого человека» [63].

Следующая причина, полагали умеренные неонародники, была порождена характерными особенностями российской интеллигенции. Условия российской действительности определили такую черту интеллигенции как «теоретико-идейный максимализм и полное игнорирование условий реальной жизни» [64]. Это обусловило склонность интеллигенции к крайне радикальным действиям.

Позднее, в эмиграции, А.В. Пешехонов выделял еще одну причину успеха большевиков, проистекающую из особенностей российских условий и российской интеллигенции. Он писал, что в конце первого месяца Февральской революции «нахлынули и начали руководить событиями в качестве главарей левых партий эмигранты и ссыльные, в общем очень мало знавшие русскую действительность и, главное, непосредственно не ощущавшие ее» [65].

Выявляя причины победы большевиков, народные социалисты не снимали ответственности и со своей партии. Считая себя «трезво мыслящими» политиками, энесы корили себя за то, что не смогли сплотить силы для противодействия большевикам, а также за то, что будучи представленными во Временном правительстве, не сумели подтолкнуть его к более действенным мерам, которые смогли бы смягчить общественные противоречия.

Наиболее системный анализ октябрьских событий 1917 г. осуществил в эмиграции С.П. Мельгунов, являвшийся не только членом ЦК ТНСП и непосредственным участником этих событий, но и профессиональным историком. Крайне негативно оценивая свершившееся в Октябре 1917 г., Мельгунов считал, что «другими путями мы скорее бы пришли к этим завоеваниям, с меньшими жертвами, с меньшим бесчестием для нашего времени» [66]. В своей фундаментальной работе «Как большевики захватили власть» Мельгунов рассмотрел не только сам «переворот», но и время его подготовки [67]. Мельгунов отмечал, что в Октябре 1917 г. наступила «новая эпоха, не связанная с основными идеями революции 17 года», то есть Февраля [68]. В Октябре столкнулись большевики, не скрывавшие стремления установить диктатуру своей партии и «революционная демократия»

социалистические либерально-демократические партии. Последний лагерь «был ослаблен неспособностью организовать подлинное сопротивление тем, кто еще вчера считался соратником по борьбе с самодержавием». Революционная мифология, инерция «борьбы с царизмом» мешали объединиться силам для борьбы с большевизмом. В своей работе Мельгунов опровергал идеи «закономерности» и «неизбежности» так называемой «Великой Октябрьской социалистической революции», уже утвердившиеся в советской историографии к моменту выхода его работы. Мельгунов считал, что Октябрь 1917 г. можно было предотвратить: «Октябрь не был реализацией Февраля»... «неизбежным» захват власти большевиками сделали лишь ошибки тех, кто могли его предотвратить» [69]. При этом Мель-

гунов показал, что правительство в растерянности бездействовало, а представители революционной демократии не придавали серьезного значения большевистской «авантюре» и гораздо больше, чем выступления «большевиков», опасались выступления «контрреволюционных» или «черносотенных реакционных сил». Созданный в Петрограде Комитет спасения должен был действовать в контакте с Временным правительством, но вся его «деятельность» выражалась в бесконечных и бесплодных переговорах с борющимися сторонами. В столице было три казачьих полка, но с казаками Временное правительство находилось в состоянии конфликта: «казаки боялись Керенского, а Керенский боялся казаков» [70]. В Петрограде было несколько десятков тысяч офицеров, но Временное правительство не решилось прямо призвать их к вооруженной борьбе против большевиков: то ли оно растерялось, то ли опасалось, как бы не вышло «контрреволюции» или каких-нибудь «эксцессов», предполагал Мельгунов. В результате Временное правительство оказалось совершенно изолированным и бессильным, и на защиту его собрались в Зимнем дворце только несколько сот юнкеров да «ударниц» женского батальона. Однако и эти немногочисленные защитники вскоре обнаружили, что для защиты не заготовлено ни боевых, ни продовольственных запасов, и к вечеру стали помаленьку расходиться и эти «защитники». Мельгунов подчеркивал, что большевики пытались привлечь массы на свою сторону не программой коммунизма, а тезисом – оборона Петрограда. Показывая отсутствие массовой поддержки большевиков со стороны петроградского пролетариата и петроградского гарнизона, Мельгунов доказывал, что приход большевиков к власти был ничем иным как «переворотом», «мятежом» [71].

Считая пребывание большевиков у власти губительным для России, умеренные неонародники продолжали вести борьбу за свержение их власти и на фронтах Гражданской войны, и в эмиграции.

Октябрь 1917 г. сыграл трагическую роль в судьбе умеренных неонародников, – он вновь поставил их в оппозицию к власти. Представляется, однако, неправомерным говорить в связи с этим о «кризисе» или «крахе» ТНСП, как это делалось в советской историографии. Понятие «кризис» или «крах» партии включает в себя и внутрипартийную составляющую (крах социальной теории, тактики партии, ее организационный кризис и т.п.). В условиях диктатуры пролетариата большевики вели политическую борьбу, планомерное уничтожение политических партий в России. Трудовая народно-социалистическая партия, как и другие небольшевистские партии, потеряла свои позиции в российском обществе не по причине внутрипартийных процессов, а, прежде всего, именно в связи с определенной политикой большевиков, направленной на уничтожение инакомыслия в стране.

Литература

1. История Коммунистической партии Советского Союза. Т.3. Кн.1. С.561; Брежнев Л.И. О коммунистическом воспитании трудящихся. Речи и статьи. М., 1975. С.89; Минц И.И. История Великого Октября. В 3-х томах. М., 1967; Соболева П.И. Октябрьская революция и крах социал - соглашателей. М., 1968 и др.
2. Daniels R.V. Red October. The Bolshevik Revolution of 1917. N.Y. 1967; Rosenberg W.J. Liberals in the Russian Revolution. The Constitutional democratic party. 1917-1921. Princeton, 1974; Service Robert. Lenin: A political life. Basingatoke, London, 1991. Volume 2; Service Robert. The Russian revolution. 1900-1927. Macmillan, 1992; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989; Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия. М., 1993; Пайтс Р. Русская революция. М., 1994; Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917-1923. М., 1990. Кн.1. Т.1, 2 и др.
3. Иоффе Г.З. Белое дело. Генерал Корнилов. М., 1989; Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М., 1992; Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995; Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. СПб., 2001; Трукан Г.А. Анти-большевистские правительства России. М., 2000 и др.
4. О соглашении с большевиками // Народный социалист. 1917. №12 (61), 7 ноября.
5. РО ГПБ. Ф.445. Д.3. С.345.
6. Мельгунов С.П. Н.В.Чайковский в годы гражданской войны. Париж, 1929. С.36-37.
7. Народное слово. 1917. 27 октября.
8. Народное слово. 1917. 28 октября.
9. ГАРФ. Ф.9591. Оп.1. Д.1. Л.19 об.
10. Коллекция листовок, обращений и прокламаций народно-социалистической партии ГОПБ.
11. Набоков В. Временное правительство // Архив русской революции. Т.1. М., 1991. С.94.
12. Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919. Берлин, 1920. С.270-271.
13. Там же. С.271-272.
14. Там же.
15. Игнатъев В.И. Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны (1917- 1921 г.). Ч.1. Госиздат. 1922. С.6.
16. Там же. С.7.
17. В ТИСП // Власть народа. 1917. №154, 29 октября.
18. Мельгунов С. Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 г. Париж, 1953. С.290.

19. Народное слово. 1917, №123, 29 октября.
20. В Центральном комитете народных социалистов // Народный социалист. 1917. №12 (61), 7 ноября. С.1.
21. О соглашении с большевиками // Народный социалист. 1917. №12 (61), 7 ноября. С.1-2.
22. ГАРФ. Ф.9591. Оп.1. Д.2. Л.2.
23. ГАРФ. Ф.9591. Оп.1. Д.1. Л.19 об.
24. Резолюция Петроградского комитета народно-социалистической партии // Народный социалист. 1917. №12 (61), 7 ноября. С.2.
25. ГАРФ. Ф.6632. Оп.1. Д.2. Л.46-46 об.
26. Демьянов А. Записки о подпольном Временном правительстве // Архив русской революции. Т.7. М., 1991. С.36.
27. Там же. С.47.
28. Там же. С.46.
29. Там же. С.45-47.
30. Там же. С.46.
31. Там же.
32. Там же. С.34.
33. Пешехонов А.В. Борьба с большевиками и борьба с большевизмом // Народное слово. 1917. №124, 3 ноября.
34. Собрание Петроградской организации ТНСП // Новое народное слово. 1917. №6, 7 декабря.
35. ГАРФ. Ф.539. Оп.1. Д.1009. Л.1 об.
36. Протест ТНСП // Власть народа. 1917. №178, 6 декабря.
37. Выступление Л.М.Брамсона на собрании политического клуба ТНСП // Народное слово. 1918. №1 (166), 3 января.
38. Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919. Берлин, 1920. С.309.
39. Там же. С.305.
40. Передовая // Народное слово. 1917. №124, 3 ноября.
41. О соглашениях с большевиками // Народный социалист. 1917 №12 (61), 7 ноября.
42. Пешехонов А. Борьба с большевиками и большевизмом // Народное слово. 1917, 3 ноября.
43. Милоков П.Н. История второй русской революции: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2002. С.741.
44. ГАРФ. Ф.5498. Оп.1. Д.74.
45. Милоков П.Н. Указ. соч. С.711-712.
46. Там же. С.712.
47. РГИА. Ф.857. Оп.1. Д.1778. Л.4 об., 6.
48. Исключение из партии В.А.Плансона // Народное слово. 1917. №124, 3 ноября.
49. К делу В.А.Плансона // Слово в цепях. 1917. №1. 22 ноября.

- 50.История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967. Т.3. Ч.1. С.344.
- 51.Народное слово. 1917. 21 декабря; Деренковский И. Дело Л.М. Брамсона // День. 1917. №227, 21 декабря; №228, 22 декабря.
- 52.Петрищев А. В гриме и без грима // Русское богатство. 1918. №1-3. С.338.
- 53.Мякотин В.А. Из недалекого прошлого (Отрывки воспоминаний) // На чужой стороне. 1925. №13. С.211.
- 54.Там же. С.210.
- 55.Пешехонов А.В. Почему я не эмигрировал. Берлин, 1923. С.51.
- 56.Народное слово. 1917. 24 октября.
- 57.ГАРФ.Ф.6632. Оп.1. Д.11. Л.119 об.
- 58.ГАРФ. Ф.6632. Оп.1. Д.11. Л.118 - 119 об.
- 59.Передовая // Народное слово. 1917, №124, 22. 3 ноября.
- 60.Станкевич В.Б. Указ. соч. С.272.
- 61.Там же.
- 62.Конференция Петроградской группы ТНСП // Народное слово. 1918. №13, 21 января.
- 63.Станкевич В.Б. Указ. соч. С.283.
- 64.Марголин А. Украина и политика Антанты / Записки еврея и гражданина / Берлин, б.д. С.35.
- 65.Пешехонов А.В. Почему я не эмигрировал. Берлин, 1923. С.29.
- 66.Мельгунов С. Завоевания революции // Борьба за Россию. Париж, 1926. №4, 18 декабря.
- 67.Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 года. Париж, 1953.
- 68.Там же. С.7.
- 69.Там же. С.11.
- 70.Там же. С.92.
- 71.Там же. С.111.